

Алекс НОРК

СКОРО
УВИДИМСЯ

УВИДИМСЯ
СКОРО

Алекс Норк
Скоро увидимся

«Автор»

2009

Норк А.

Скоро увидимся / А. Норк — «Автор», 2009

Головоломка для капитана американской полиции – внезапная гибель самого богатого человека города: убийство, самоубийство или просто случайность? откуда у мафии столько наркотиков? что преступники прикрывают легендой об инкарнации? правдиво ли «Тибетское евангелие»?

Содержание

I.	6
II.	13
III.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алекс Норк

Скоро увидимся

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

I.

Город, куда Дункан полгода назад был назначен начальником полицейского управления, еще не стал хорошо знакомым, однако уже очень нравился – спокойный, ухоженный, и с жизненным уровнем, заметно выше среднего по стране.

Здесь не было грязных или тяжелых производств, с тем грубоватым рабочим классом, который какой-то своей частью непременно деградирует и создает проблемы. Здесь находился лишь очень небольшой район с почти неизбежным, как всюду, осадком бедноты, сделавшей в привычку себе иждивенческий образ жизни, приработок вместо заработка и мелкий криминал как способ дохода и внутренних отношений.

Порой происходили и серьезные преступления, но все же такое считалось событием.

Друг Дункана, не имевший спокойного дня в наркополицейской Майами, недавно ему посетовал: «не у меня, а у тебя там курортная зона».

Город жил крупной, ультрасовременной фармацевтической фабрикой и еще несколькими предприятиями прогрессивно-технологического направления.

Фармацевтика меньшей частью принадлежала японцам, большей – местному бизнесмену. Были и другие богатые люди, и все они кроме налогов чем-то еще содействовали – помогали по детскому спорту, культурным программам и в прочем полезном роде, так что, как говаривал мэр: грех жаловаться.

Но наркотики все равно проникали, подростков сманивали «на травку», кто-то шел дальше – и до передозировки включительно.

Своими полицейскими силами они отлавливали уличных торговцев, скоро сменявшихся новыми, но выйти на основные каналы наркодилеров не удавалось. К тому же, это входило не столько в задачу местной полиции, сколько федеральных профильных служб, поэтому у капитана сложились объективные основания затребовать для внедрения спецагентов.

Один, очень опытный, уже активно действовал в среде самой наркоторговли, а девушка-новичок внедрялась со стороны потребителей. Работая музыкальным педагогом в одной из школ, она за два месяца изрядно продвинулась – подростки ей начали доверять и пробалтываться, у кого приобретают наркотики. Кое-какие знакомства в этом же направлении установились на дискотеках. И хотя по большому счету серьезной информации от нее пока не было – названные имена и без того числились в их картотеке, – продвижение, само по себе, получалось быстрым.

Потому что в глубине ее серых глаз вызывающее доверие тепло?

– Вы молодец, сержант.

– Благодарю, сэр. Думаю, впрочем, не сообщила чего-то особенно нового.

– Не торопитесь и соблюдайте осторожность. Это поганая среда, Лиза.

Капитан впервые назвал девушку по имени и заметил, ей это понравилось.

– Спасибо, сэр, за заботу.

Тоненькая, светленькая, неброская – впрочем, очень подходящая для такой профессии внешность.

Девушка с отличием закончила школу конспиративных агентов, направлена к ним уже в звании сержанта – хорошее начало карьеры.

Еще она сказала ему, что цены на героин сейчас в городе удивительно низкие – где-то на четверть ниже обычных, мало колеблющихся по стране. Видимо, просто произошло совпадение – нескольких подростков, от которых дошла информация, одновременно заманивали низкими ценами.

С Лизой капитан встречался в абонированном полицией гостиничном номере, удобном для незаметного туда попадания, но с главным агентом оперативный контакт осуществлялся

иначе и гораздо сложнее, потому что провал такого человека непременно вел к его гибели. Если девушку заподозрят в работе с полицией, это тоже небезопасно, однако, скорее всего, реакцией мелких торговцев будет стремление держаться от нее впредь подальше. Того же, кто внедрился в преступную среду, обязательно постараются уничтожить.

Агент сам давал знать об очередной встрече телефонным звонком, и Дункан всегда выезжал один. Существовало больше десятка городских мест, где капитану следовало притормозить на пару секунд, места значились под номерами, которые называл агент. Марки автомобилей для выезда менялись, но не менялось свойство их стекол – светлые и прозрачные с виду, они отчего-то не позволяли хорошо разглядеть салон.

При последнем свидании агент сообщил, что обрел некоторый кредит доверия, и ему уже решили поручить небольшую «сетевую» работу. Однако главное было в другом: он неожиданно выяснил, что масштаб преступной деятельности в городе отнюдь не ограничивается торговлей – тут нечто вроде перевалочной базы, обслуживающей, в том числе, многих соседей. Уровень агентурной операции в связи с этим резко возрос.

– Сэр, среди почты письмо на наш адрес, но указан старый начальник управления.

– Коннерс?

– Он, сэр.

Капитан сначала хотел сказать – «позвоните, пусть приедет и заберет», но тут же решил, что это не очень вежливо.

– Пусть ему отвезет кто-нибудь.

– Один из наших ребят живет рядом. После смены, сэр?

– Да, вечером завезите.

Не тактично, конечно, звать телефонным звонком в полицию своего предшественника, ныне заслуженного пенсионера.

Дункан познакомился с ним полгода назад, чисто формально – тот сдал дела, Дункан принял. Нью-Йорк, откуда его перевели, город таких только формальностей – все заканчивается за порогом учреждений. Однако тут иного размера сообщество и особенный менталитет – капитан почувствовал это, хотя не сразу, – тут в правилах познакомиться с человеком ради него самого, пригласить в кафе или ресторан. Не для дела даже, а ради сохранившего себя духа той старой Америки, когда совместное выживание обостряло в людях корпоративную чуткость и взаимное тяготение.

В конце дня, когда капитан вернулся домой, разыгрался почти цирковой спектакль – муха влетела на кухню, и он минут десять гонялся за ней со свернутой в трубку газетой.

Муха сразу проникла в суть замысла и больше двух-трех секунд на одном месте не задерживалась.

Процесс, в конце концов, достиг отчаянного накала.

Поведение мухи требовало признать наличие у нее ума, а у озверевшего до последней степени Дункана – как минимум временную его потерю. Победа, поэтому, сопровождалась легким чувством стыда – в его возрасте и звании нельзя опускаться до столь мелких противников.

Из-за этой возни Дункан не переоделся и не занялся ужином.

Остывая от боя, он выкурил сигарету, а сразу за тем телефонный звонок принес неприятное сообщение.

О человеческой гибели.

Он вовсе не обязан выезжать на каждую смерть, тем более если это не убийство, а несчастный случай, но существует неписаное правило полицейской этики – учитывать персоналии:

погиб, как сообщили, мистер Ванлейн – тот самый владелец огромного фармацевтического предприятия. И кажется, ему принадлежали крупные городские аптеки и что-то еще.

В подобных ситуациях начальнику полиции следует прибыть самолично, дабы люди с большими связями, да еще оказавшиеся в горе, не подумали об обидном к себе невнимании.

По телефону инспектор из прибывшей уже на место бригады сказал только: «падение с высоты».

С какой высоты?

Он не стал переспрашивать, скоро увидит сам, тут ехать очень недолго.

Капитан жил в том же районе, но в чередке домов, располагавшихся в глубине, а не у края природной зоны, где разместились богатые резиденции – шесть всего или семь, он толком их еще и не разглядывал. Стало быть, в одной из тех резиденций, а в которой именно, ясно будет по припаркованным полицейским машинам.

И самого Ванлейна он видел всего один раз. На каком-то торжественном мероприятии в мэрии. Однако по профессиональной привычке запоминать легко представил сейчас высокого худощавого человека в идеально сшитом по фигуре костюме, его скуластое лицо с чуть желтоватым загаром и в тон загару рыжеватой щеточкой усов, светлые небольшие глаза, очень внимательные... Что еще? Возраст... мэр рассказывал, год назад Ванлейн подарил что-то городу по случаю собственного шестидесятилетия, значит – шестьдесят один.

Дункан повернул на ту самую последнюю улицу, поискал глазами и не увидел своих служебных машин.

Наверное, въехали на территорию... вон там, где на тротуаре обозначилась фигура в полицейской форме.

Сотрудник издали опознал автомобиль шефа, и когда капитан подъехал, ворота уже раздвинулись, открывая путь внутрь.

Кроме полицейского у ворот стоял еще охранник из известного в городе частного агентства.

В поле зрения попал особняк впереди ярдах в пятидесяти, показавшийся очень высоким, но не увиденный толком – пришлось быстро решать, куда крутить руль для объезда центральной клумбы.

Дункан, выбрав привычное движение вправо, задержал взгляд на клумбе – там росли георгины, крупных сортов, и в причудливом цветовом смещении: белые, красные, синеватые...

Два полицейских автомобиля и медицинский фургон встали вдоль центра здания, за ними были видны только головы и плечи.

Капитан, чтоб не сбиваться всем в кучу, остановился не доезжая.

Почему дом почудился вдруг высоким? Трехэтажный, как оба соседних, правда, выполнен в каком-то ретро с просторной планировкой. И округлый козырек над главным входом взмыл к плоской крыше, от земли туда вытянулись четыре белые колонны, придающие фасаду общее стремление вверх. Небольшое решетчатое ограждение по краю овального козырька указывало на смотровую площадку.

Из детской памяти вынырнула книжная иллюстрация – на подобных верхних террасах в южных штатах по вечерам отдыхала местная аристократия, поглядывая на свои табачные или хлопковые поля. Откуда это, из Бичер-Стоу или Хилдрет?

Капитан, сделав несколько шагов от своей машины, увидел вскинувшийся у фургона задник и накрытые простыней носилки, которые приготовились затолкнуть внутрь. Однако, заметив начальника, люди нерешительно приостановились.

Дункан махнул рукой продолжать.

Тело он осмотрит и в морге.

Если в этом вообще будет необходимость.

Инспектор, что говорил с ним по телефону, вежливо поспешил навстречу, а капитан приостановился, чтобы спокойно выслушать.

- Падение вон оттуда, сэр, – палец указал на тот самый козырек, венчавший колоны.
- Почему он упал?

Инспектор вместо ответа двинул плечами.

- Кто находился в доме?
- Жена, служанка и четверо ребятишек.
- А охрана?

– Только тот, что на воротах. Весь периметр находится под телекамерами, охранное агентство обслуживает всю улицу, их дежурная группа отсюда всего в тридцати секундах езды. – Упреждая вопрос, офицер продолжил: – Я им уже звонил, сказали: никаких попыток проникновения не было.

- Момент падения кто-нибудь видел?
- Нет, домашние находились в помещениях, охранник на улице стоял спиной к дому.

Капитан обернулся к воротам и уличной ограде. Взгляд сразу уловил камеру, и вторую, с высоты в три ярда они смотрели вдоль и немного вниз. В такой обзор вряд ли вообще могло попасть здание, тем более – верхняя часть.

Офицер понял шефа и добавил по этому поводу:

- По бокам и сзади дома камеры тоже глядят только вдоль.
- Кто первый обнаружил труп?
- Развозчик тортов.

Короткий и малосуразный ответ заставил капитана поморщиться.

– Сэр, на грузовом мопеде приехал парень, что развозит торты. Охранник пустил его внутрь. Парень увидел тело и поднял шум.

Дункан еще раз обернулся к воротам, сделанным из продольных металлических прутьев, позволявших отлично видеть насквозь.

- Этот охранник всегда стоит только спиной к дому?

– Клумба, сэр, посмотрите, стебли до человеческого плеча. От ворот через клумбу нельзя увидеть лежащее тело.

- То есть точное время падения вообще неизвестно?

– Пока неизвестно, но охранник зафиксировал то время, когда прибыл развозчик. Это случилось в 18.45. А хозяйка сказала, муж обычно поднимался наверх отдохнуть в начале седьмого.

- Хозяйка, это миссис Ванлейн?

- Она, сэр.
- Как держится?

Инспектор подумал и не нашел точных слов:

- Разговаривает... вроде, себя контролирует.

Капитан ускоренным шагом направился к дому, послал общий приветственный знак сотрудникам и вошел в дверь, любезно открытую для него инспектором.

После нескольких шагов от входа оба вынужденно приостановились – снаружи света от заходящего солнца вполне хватало, но в помещение уже вполз полумрак, а об электричестве не позаботились.

Понадобилось несколько секунд, чтобы сориентироваться.

Впереди в зале Дункан заметил напольные вазы с цветами, дорогую мебель, кажется, выполненную под старину... затем женщину в глубине, удаляющуюся от них медленными шагами. Она не услышала, продолжая, видимо в очередной раз, движение от одного конца залы к другому. По плечам и разведенным локтям угадывалось, что в такт шагам она сжимает сцепленные у груди руки.

Женщина еще немного прошла, повернулась и застыла, издали глядя на них. Капитан не рассмотрел лица, но отчего-то подумал, что миссис Ванлейн красива.

Нет, кто-то просто об этом ему раньше рассказывал.

Из-за изрядной дистанции говорить пришлось громким голосом, он представился и выразил соболезнования.

Та, выслушав, качнула в ответ головой и пошла к ним, все так же со сцепленными у груди руками – он лишь хотел попросить разрешения подняться для осмотра наверх – женщина шла чересчур быстро, мелькнула мысль, что у нее туман в голове и выйдет неловкое столкновение.

Обошлось, она вдруг встала всего в полу ярде.

В Дункана уперлись темные большие глаза с расширенными, еще темнее, зрачками.

– Спрашивайте, капитан. Я уже ответила на вопросы вашего офицера, но если нужно, спрашивайте.

Слова прозвучали чеканно и излишне решительно, с очень понятной целью – создать уверенность в себе у себя же самой.

Дункан не смог бы сказать, чем красиво ее лицо, но факт не ставился под сомнение.

Позже, в машине, он все-таки определил свое впечатление: бывает эстетика в целом, которую невозможно объяснить отдельными элементами, и еще – у нее не отпечатанные природой черты, а привлекающие к себе изменчивым выражением.

Женщина обнаружила вдруг сжатые у груди руки, и распавшиеся, они повисли как не свои, голова чуть склонилась, волосы от плеч съехали к щекам – энергии, которой, казалось ей, было много, хватило, лишь чтобы подойти и проговорить те слова.

Дункан сказал, что хочет подняться, осмотреть площадку – так нужно для полицейского протокола.

– Да-да.

Она поискала вокруг глазами, сказала опять «да-да» и неуверенно двинулась в сторону к креслу.

Капитан на всякий случай проследил этот путь до конца.

– Кто, говоришь, еще в доме? – они повернули со второго лестничного пролета на третий этаж.

– Служанка, сэр. Или она кухарка, или и то и другое. Еще – четверо детей.

– У нее четверо детей?

– Нет, сэр, я по городским слухам знаю, что у Ванлейнов двойня. Другие, наверное, находились в гостях.

Сверху потянуло ветерком.

Одолев еще пролет, они оказались на крыше.

Инспектор тут же присвистнул.

Оба ожидали найти там несколько плетеных кресел, пару легких столиков – к чему еще способна фантазия, выросшая на государственном пропитании?

Полукруг над входом оказался лишь маленькой частью обширной территории отдыха по классу люкс.

Пространство здесь имело внутреннюю асимметричную планировку из искусственного кустарника в высоту человеческого плеча, внутри кустарниковой структуры просматривались затейливой расцветки диванчики, кресла – можно, отъединившись, вести разговор, но в любой момент встать и обозреть прочее происходящее, в заднем левом углу расположился роскошный бар, способный вместить сразу десятка два человек, на пути к бару виднелся изгиб небольшого декоративного бассейна.

Инспектор уже пошел в ту сторону.

– Патрон!.. Стоит взглянуть.

- Что там?
- Желтая черепаха. Большая, не иначе с экватора.
- Да ладно.
- И красивые рыбы.

Под ногами дымчато-серый стеклопластик, наверняка внутри есть система подсветок, и пол может выделять всякие фокусы, просто так или под музыку.

Добравшийся до бара инспектор опять отвлек, громко оценив содержимое на «прорву тысяч».

Дункан, однако, уже выискал глазами в другой стороне нужный объект – находившийся поблизости от овального козырька круглый столик с единственным креслом, на столике развернутая газета, сбоку от нее пепельница, еще коробочка для сигар и недопитый стакан, похоже что с соком.

А в четырех ярдах от столика – край козырька, откуда произошло падение.

Ограждение невысокое, дюйма на два всего выше его колен. Для детей, впрочем, достаточно. И взрослым вплотную приближаться не требуется – вид на город одинаковый с любой точки крыши.

А в противоположную сторону?

Повернувшись, он увидел огромный зеленый простор: далеко уходящие травянистые поляны с крупными редкими деревьями – их плотные кроны выглядели темнее травы и опускались низко, так что толстый ствол был открыт лишь чуть-чуть. Вон незадачливый гольфист отыскивает в кроне свой шарик, а на большом зеленом пространстве виднеются еще два десятка белых фигурок.

Закончив рассматривать пейзаж, капитан придвинулся к краю.

Внизу, на асфальтовой площадке, виднелись меловые контуры тела.

Полшага влево... вот здесь именно стоял несчастный перед падением.

Почти по центру.

Смотрел сверху на клумбу?.. Глазам приятно блуждать по этому многоцветью.

– Сэр, он какое-то время сидел здесь за столиком и читал газету.

Инспектор указывал рукой на то, что капитан уже видел.

Тот подошел ближе, обвел нехитрую экспозицию взглядом... что-то ему не понравилось.

Он указал в сторону пепельницы:

– Пепел вижу, а окурка сигары не вижу.

– Да, сэр, недокуренная сигара валялась там же внизу.

Пора было звать фотографа и дактилоскописта.

– Тактичнее будет, если они пройдут в дом вместе с тобой. Спустишь, сделай милость.

Оставшись один, капитан прогулялся к другому краю.

Там за задней стеной дома находился открытый бассейн, а дальше травянистый участок замыкался забором, как и ворота, из вертикальных металлических прутьев. Понятно, чтобы сидя у бассейна или прогуливаясь, не упирать взгляд в глухое ограждение, а видеть красивый природный план.

И тоже камера слежения вдоль забора.

Капитан подумал и пришел к выводу, что делать ему здесь больше нечего, а уходя, еще раз бросил взгляд на зеленые просторы, даль которых уже покрывала сероватая дымка.

Оказавшись внизу, он приготовился еще раз произнести сочувственные слова миссис Ванлейн и сказать, что придется побеспокоить ее составлением подробного протокола, но в зале, почти уже темной, никого не было.

Вечером в этом районе почти отсутствовал транспорт, и капитан, ускоренный голодом, доехал быстро. А у самого дома подумал, что в заднем заборе наверняка есть калитка, люди

непрерывно должны были предусмотреть для себя возможность такого удобного выхода на природу.

Другая мысль показалась куда интереснее: припасенная в холодильнике бутылка хорошего пива сейчас будет кстати.

Не став переодеваться, он лишь скинул форменный пиджак и прошел на кухню.

Вот и бутылка умеренной охлажденности – очень холодное пиво теряет вкус. Дункан поднес открывалку, но зажурчала лежавшая рядом телефонная трубка.

Капитан, прервав процедуру, взял трубку и сразу распознал голос прокурора города – с первых же слов голос выдал волнение.

Это не прямое его начальство, но прокуратура в известном смысле выше полиции, и Дункан начал вежливо отвечать, хотя понятное дело – без заключения медэкспертизы всерьез разговаривать не о чем.

У прокурора «не укладывалось в голове» как такое могло случиться со здоровым человеком, и когда он произнес это во второй раз, капитан, поигрывая открывалкой, вежливо заметил, что показаний лечащего врача Ванлейна у него еще нет, они будут только завтра утром.

За неимением реального материала, разговор скоро иссяк.

Однако лишь Дункан нацелился открывалкой, ситуация полностью воспроизвелась.

Говорил уже мэр.

Милейший человек, и первыми словами – «у него не укладывается в голове». Мэр не пытался скрывать расстройство.

Конечно, в отличие от Дункана, они все знали тут друг друга давно – что-то по жизни связывало, и продолжая вертеть открывалку, капитан вежливо объяснил, что лечащий врач погибшего получил уже распоряжение представить в полицию заключение о состоянии здоровья бывшего пациента, а криминалистическая экспертиза продлится за полночь, потому что обязана описать, в том числе, состояние всего организма, плюс исследовать биохимию крови.

К завершению беседы с мэром у Дункана созрел умный план – он сам позвонит городскому судье, а после этого выключит телефон на время ужина, потому что прочие лица города уже ниже его по рангу.

Однако пока капитан искал домашний телефон судьи, тот дозвонился сам и прямо начал со слов, что у него «не укладывается в голове».

А что, собственно, не укладывается?

Мэру простительно, но судье с прокурором надо бы знать, что по статистике внезапная смерть уносит в год по стране десятки здоровых людей без понятного этому объяснения. Внезапный сосудистый спазм, например, и попробуй потом, разберись.

На прощанье судья сообщил, что не только дружил с Ванлейнами, но был крестным отцом их двойняшек. Капитан заодно уж поинтересовался возрастом и узнал, что двойняшкам около восьми лет, а сами они – разнополые.

Черт возьми, куда он задевал открывалку?

Только что ведь держал в руке.

Вот напасть!

II.

Ввиду особого интереса к случившемуся местной элиты, Дункан выехал утром на работу раньше на час. Еще и потому, что следовало поспешить с публичными разъяснениями, иначе поползут слухи, пресса начнет их разогреть – тут дай только повод.

И результаты ночной работы медэкспертов наверняка уже у него на столе.

Разбуженный раньше времени организм норовил еще по дороге капризно не соглашаться с нарушением своих прав, а по приезде затеял мстить: первым делом, когда капитан сел в кресло и хотел двинуть к себе папку с заключением медиков, заставил сильно зевнуть.

Затем, мешая чтению, зачесались глаза.

А дальше действия приняли уже неприличный характер: вспомнилось приталенное платье миссис Ванлейн, которое все равно не сходилось на талии плотно, нежно-юное что-то во всей фигуре...

«Прекратить!» – внутрь себе приказал Дункан.

И похоже, там поняли.

Заключение медэкспертизы молодые полицейские всегда начинают смотреть с конца – это ошибка, так как, узнав окончательный результат, трудно прочитать потом все внимательно.

А непременно надо – никто не знает, когда именно и какая деталь сыграет свою важную роль, иногда решающую.

Дункан поэтому давно взял за правило читать без спешки с самого начала, читать предельно внимательно.

Но вот поди ж ты, каждый раз, когда он начинает с первой страницы, слегка зудит посмотреть в конец.

Пустяки в этом роде Дункана огорчали, вынуждая признать, что даже в возрасте сильно за сорок он толком не знает своего собственного устройства.

Как всегда изложение открывалось фамилиями экспертов, временем и местом экспертизы... капитан быстро одолел эту страницу и перешел на вторую, с результатами общего осмотра тела. Обстановка в полицейском управлении очень способствовала работе – тихо досиживал смену дежурный ночной состав, лишь через час явятся следователи, оперативники, закипит обычный дневной сумбур, когда каждые пятнадцать минут лезут в кабинет или куда-то зовут.

Свежая голова быстро схватывала, внимание фиксировало каждую мелочь, впрочем, сложной задачи у медэкспертов не было.

Перед последней страницей уже сам собой обозначился вывод. Капитан, тем не менее, аккуратно все дочитал: «Смерть явилась следствием обширных кровоизлияний в головном мозге от удара при падении с высоты. Падение, в свою очередь, предположительно стало результатом головокружения, вызванного сердечной недостаточностью».

Капитан закрыл папку, откинулся в кресле и, теперь уже мысленно, перебрал пункты прочитанного.

Сломанное правое плечо и все имеющиеся на теле ушибы тщательно изучены, эксперты без сомнения отнесли их на счет самого падения. Царапин и ссадин иного происхождения, по их мнению, нет.

Состояние внутренних органов оценивается как хорошее, за исключением средней степени дисфункции желчного пузыря и еще какой-то мелочи.

Сосудистая система нормальная – ни бляшек, ни заметного склерозирования.

Сердце без морфологических признаков патологии, но биохимия показала, что погибший регулярно принимал корвалол. Хотя не в больших дозах. В этот день не принимал. Вероятно, Ванлейна тревожила стенокардия, анатомически необнаружимая.

Дункан отчетливо представил себе край с невысоким ограждением, далекий внизу асфальт... фантазия вдруг проявила инициативу, качнув в ту сторону, и легкий холодок метнулся внутри.

А почему, когда сердце Ванлейна сбилось и возникла моментная слабость, он не упал в другую сторону или попросту не плюхнулся у решетки?

Родной дядя Дункана – с молодости сердечник – вот так однажды рухнул при нем на пол, а через несколько секунд начал улыбочиво объяснять, что приступов с короткой темнотой в глазах уже так было много, что страшного ничего нет. Действительно, посидел минут пять в кресле и пошел в сад кусты обстригать.

Дежурный всунул голову в кабинет:

– Сэр, там уже журналисты. Сказать, вы еще не приехали?

Секретаря пока не было, но капитан решил не тянуть и отправился сам.

Решив проблему с прессой, Дункан, согласно вчерашнему телефонному обещанию, обзвонил трех главных людей города с сообщением о содержании медэкспертизы. Ему не очень понравилось, что судья, хотя в виде вопроса, констатировал смерть от несчастного случая. И нечто подобное позволил себе прокурор.

Тьма.

До рождения света была тьма.

Правильнее – жила.

Двигалась сама и двигала – поворачивала, тащила.

Иногда вдруг так быстро, что возникало чувство последнего мига.

Но чаще тащила, чтобы тащить.

Без направления.

Тянула куда-то в нутро, а оно находилось повсюду.

– Сэр, сотрудник не передал письмо, Коннерс куда-то отъехал. Обычно он в это время отправляется на север рыбачить.

Капитану понадобилась пара секунд, сообразить о чем речь.

– Ну, пусть передадут, когда Коннерс появится.

– Еще приехал лечащий врач Ванлейна, вы ему назначали.

– Пригласите, пожалуйста.

Почти тут же явился человек с кейсом, среднего возраста, невнятной наружности и очень быстрый в движениях.

Дункан успел взглянуть на листочек перед собой, поэтому, встав навстречу, поздоровался с доктором по имени и, приглашая сесть, любезно спросил, не желает ли тот чаю или кофе.

Гость пожал капитану руку, поблагодарил, от всего отказался и, усаживаясь в кресло, успел вынуть из кейса какой-то листок.

– Вот, капитан. Ванлейн практически не болел эти пять лет, что был моим пациентом. И за все годы я не мог заставить его пройти профилактический осмотр. Дело, таким образом, ограничивалось общим терапевтическим наблюдением, и еще он сдавал кровь.

Гость говорил быстро. Не успев взглянуть в принесенную ему бумагу, Дункан услышал:

– Я не понимаю этого падения, капитан.

Быстрая манера гостя вряд ли была намеренной, но слегка раздражала, поэтому Дункан ответил тем же:

– Нет патологий внутренних органов, не заметен склероз сосудов, но биохимия показала, что в последнее время он регулярно принимал корвалол.

И взглядом показал, что ожидает ответа.

– Корвалол?

Капитан кивнул.

Сработало.

Человек напротив задумался.

Его глаза, скользнув над головой капитана, двинулись вверх, пальцы поиграли по ручке кресла.

– Небольшая тахикардия у него была, – продолжая раздумывать, произнес гость... и опять переключился на быстрый темп: – в пределах возрастной нормы, очень распространенное явление, сэр.

– Эксперты полагают, что уже имела место стенокардия.

– Переросла за те полгода, что я его не осматривал? Хм, возможно. Если были, например, нервные нагрузки. Но почему, тогда, он не обратился ко мне за врачебной помощью? – гость уставился на капитана.

Тот согласно кивнул.

– Правильно, что спрашиваете у меня.

Лизе нравился капитан – так вообще, совершенно дистантно.

Похож немного на киногероя.

Говорили, он в молодости долго находился на оперативной работе, имел ранение, не раз награждался.

В жизни ей иногда кто-то нравился, но так же вот – на расстоянии. Даже когда это были ее сверстники в школе. Потому что нравились красивые мальчики, а она среди девочек никогда не была в первом ряду. Правда, и никогда не завидовала красивым девчонкам, во всяком случае, не помнит, чтобы это чувство у нее возникало. И боялась другого чувства – более сильного, чем симпатия, потому что безответным оно только унизит. А человек – Лиза отчего-то знала с самого детства – живет в великом мире. Совсем маленькая она не удивилась, когда папа рассказал ей, показывая на звезды, что там целые миры. А как же еще? В ее детскую голову сама собой помещалась громадность и необъятность. И человек, значит, рождается для чего-то очень большого, потому что большое не создали бы для незначительного.

В одиннадцатом часу явился инспектор, которому надлежало с утра отправиться в охранное агентство.

– Какие у тебя новости?

– Можно, сэр, сначала узнать заключение медэкспертизы?

– Подозревают сердечный приступ. В последнее время Ванлейн употреблял корвалол.

– А что говорит лечащий врач?

– Для него это новость. Правда, у Ванлейна была тахикардия, и полгода врач его не осматривал.

– Тахикардия у моей тещи, – в лице инспектора появилось грустное выражение, – но с крыши пока не падает.

– Что тебе рассказали в охранном агентстве?

– Да ничего особенного. Они три года уже обслуживают Ванлейнов. Никто вчера не делал попыток проникновения, и никогда раньше. Вообще жизнь в особняке спокойная.

Инспектор подумал и начал вытаскивать из головы, что смог запомнить:

– Гости бывают часто, тусуются в основном на крыше. Но все проходит культурно. Ребя-тишки еще шалят – пролезают через заднюю решетку.

– Там ведь калитка.

– Откуда вы знаете? Да, есть калитка, гувернантка с детьми через нее выходит гулять. Но бывает, и сами между прутьев пролезут, и еще в камеру язык покажут.

– Ты сказал, с детьми занимается гувернантка? Ее вчера не было.

– Потому что после шести вечера там заправляет сама миссис Ванлейн, днем она, представьте себе, работает.

Дункан не то чтобы удивился трудовым наклонностям жены миллионера, но стало любопытно чем та занимается – не разносчица ведь в кафе.

– Она, сэр, специалист-исследователь на фармацевтическом предприятии мужа, – инспектор вдруг озадачился, – как теперь правильно – бывшего мужа?

Капитан не нашел вопрос актуальным, и пожав плечами, приказал узнать у нотариуса содержание завещания.

– Съезди к нему сам, по телефону нотариус о таких вещах говорить не станет.

Требовалось протокольно оформить показания миссис Ванлейн и какой-то еще служанки, находившейся на момент несчастного случая в доме.

– И узнай, пожалуйста, в котором часу миссис Ванлейн сегодня нас сможет принять.

– Да, сэр. И будем закрывать дело?

Дункан хотел ответить – раз в доме были два взрослых человека, подозрения на их счет прежде следует устранить, но не успел, так как прозвучал короткий звонок на его спецаппарат и заработала запись.

Это значило – на связь вышел их главный агент.

Действовала стандартная процедура: агент сообщал кодом время и место встречи, капитан прослушивал запись и сразу ее стирал.

Кроме Дункана даже о самом существовании агента знал лишь начальник отдела по борьбе с наркотиками, знал, что на них работает некто Людвиг. Подходящее конспиративное имя для латиноамериканского парня.

Тьма не черная.

Тьма – мутная.

Никакого одного цвета ни в каком месте, потому что цвет не рождается до конца. Движенья и муть одним потоком заливают сознание, оставляя там крошечный кусочек «я».

Лиза не то чтобы стремилась к деньгам, но приятно, что у конспиративного агента с ними всегда неплохо. Полицейская зарплата с коэффициентом за риск только одна сторона этого благополучия, агент кроме того где-то легально работает, и это тоже его «законные». Еще ему выдаются некоторые неподотчетные суммы на увеселительные заведения, куда иной раз приглашают нужных людей. Разумеется, наряду с этим существуют подотчетные суммы целевого характера, у Лизы они тоже есть и предназначены для систематической покупки наркотиков, которые она передает в родное ведомство, а там путем химического анализа определяют, появилась ли очередная партия от прежних поставщиков или возникло что-нибудь новое. Затем данные такого рода сводятся по всей стране, и возникает своеобразная география наркооборота, позволяющая делать иногда очень важные выводы.

Впрочем, насколько ей известно, ситуация в их городе не меняется – наркотрафик от одних и тех же колумбийских поставщиков.

Минут через сорок инспектор нарисовался снова.

– Сэр, сейчас по телефону она сказала, что в любое время.

– Миссис Ванлейн?

– Ну да.

– А про завещание узнал?

– Узнал. Кое-что родственникам, кое-что детям под проценты до полного совершеннолетия, а основное переходит вдове. Когда к ней поедем?

Капитан поймал себя на желании увидеть эту красивую женщину, желании, при данных обстоятельствах, не очень уместном, и даже правильнее сказать – недостойном своим безразличием к чужой трагедии. Откуда такое лезет? Да еще на службе, где за его спиной государственный флаг...

Капитан повернул голову и скосил глаза за плечо.

Флаг был на месте.

Проследивший движение шефа инспектор не обнаружил в нем смысла, но позволил себе удивиться только бровями.

– Так когда, сэр?

Дункан тряхнул головой, отгоняя ненужное, затем посмотрел на часы.

– Скоро ланч. После него и поедем.

Этого темнокожего мальчишку Лиза пару раз уже видела.

И где-то тут их «директор» – мелкооптовый дилер, очень надо бы с ним познакомиться. Но мягко, как-нибудь между прочим, – здесь осторожная публика.

– А я тебя знаю!

– Да?

Сумка на левом плече у нее в таких случаях не застегнута, рука легко скользит внутрь – у маленького пистолета свое удобное место.

– Ты в школе музыку преподаешь.

Она уже видит – с боков никого нет.

И сзади тоже.

Рука достает сигарету.

– Ребята говорили, ты классная.

– Иди в задницу, «кок» есть?

– У нас все есть.

Лиза, чиркнула зажигалкой и еще раз убедилась – вокруг спокойно и вряд ли они сейчас под чьим-нибудь наблюдением.

– Сам закуришь? У меня хорошие.

– Нет, спасибо. Отец год назад умер от рака легких. Страшное дело, как приходил к нему в клинику...

Парень мотнул головой и отвел глаза, погрузившиеся от ожившей в них чужой боли.

Лиза, в бесцеремонно ко всему любопытном подростковом возрасте, как-то спросила священника: «А чем отличаются человеческие души?» и услышала: «Тем, сколько могут вместить в себя сострадания».

– Будешь брать?

– Да, две дозы. Почему у тебя?

Парень выставил пальцы.

– Ты что, кактусы ел?

– За две, мэм, – обидчиво протянул тот.

За одну получилось бы очень дорого, но за две выходило значительно ниже стандартной цены.

Странно.

Надо еще раз обратить внимание капитана.

Тьма внутри у себя самой и движется в самой себе, она единственное событие, и нет никакого другого. Тьму нельзя исчислять ни временем, ни пространством.

Сразу после ланча поехать не удалось, так как все время вклинивались разные мелочи. Кончилось тем, что отправились к миссис Ванлейн уже в конце рабочего дня.

Лизе нравилась криминальная полиция – своего рода орден, не только служба, но и единство равнодушных к дурному людей. Даже пришедшие только ради надежных заработков и социальных гарантий, даже такие скоро делают принципиальней, подтягиваются и начинают любить общее дело. Потом оно становится их философией.

Плохо только, ее родители очень волнуются. Последний раз, покидая их после короткого отпуска, она глупо бросила: «ребята, если что, за меня голову оторвут». Увидела боль в глазах у обоих – «если что» им не надо. Хотела их успокоить, а вот ляпнула ерунду. Тем более, ее жизни ничего не угрожает. Или почти ничего.

Что родители волнуются – неприятно, а что капитан за нее беспокоится, приятно наоборот...

Когда машина въезжала в уже знакомые ворота, Дункан отметил на ручных часах половину шестого.

Он вспомнил еще про здешних детей, здесь вчера находившихся – с ними следовало деликатно разобраться, вдруг кто-то что-нибудь видел.

Капитан показал инспектору встать немного не доезжая – некрасиво, когда чужой автомобиль торчит прямо напротив входа.

– Ты не помнишь, как, согласно процессуальным нормам, допрашивают маленьких детей?

Его сотрудник пришел в замешательство.

– ... патрон, помню только, что когда-то такой вопрос был на экзамене.

– Это я тоже помню.

Охранник на въезде, конечно уже сообщил в дом об их прибытии, но пока что никто не вышел. Одна из дверных створ главного входа была открыта, на другой виднелся черный траурный бант.

Они прошли от автомобиля к входу и здесь, в открытом дверном пространстве, возникла темнокожая женщина, по одежде для хозяйственных целей – явно служанка, молодая, с очень приветливым лицом, и исполненная здоровьем, направлявшим уже себя в избыточный вес.

Женщина поздоровалась с ними вежливым поклоном.

– Здравствуйте, мэ, мы из полиции.

Та, желая освободить проход, не решила сразу, куда ей сдвинуться, и капитан воспользовался ситуацией:

– Вы здесь работаете?

– Да, сэр.

– Но вчера я вас не видел.

– Я была, сэр, я была, – уже готовая явиться улыбка осталась внутри, уступив место печали, – сидела с детьми, сэр, их нельзя держать взаперти одних, – голова грустно вслед словам покачалась.

– Да, мне сказали, четверо детей. Двое – близняшки Ванлейнов, а двое других?

– Один мой, сэр. Он с утра здесь, а вечером мы уходим домой.

– А еще?

– Еще мальчик, который тут живет постоянно. Его мать во Франции, получила на год хороший контракт, – грусть сменилась радостью за чужое благополучие: – Мы очень довольны за нее, сэр.

– Ваш сын ничего не видел?

– Где же, сэр, дети были в доме. – И опять, следуя теме, в лице возникла горькая складка:

– Слава Богу, сэр, что они не видели этого ужаса.

Было заметно, как она напряглась, чтобы фантазия своевольно не нарисовало такую картину.

Инспектор рядом захотел зевнуть, уже потянул руку ко рту, однако удержался и только почесал нос.

Капитан больше не спрашивал, женщина встрепенулась:

– Пойдемте, джентльмены, миссис Ванлейн ждет вас в кабинете.

Сначала возникло другое.

Ощущенья молчали, но разум сказал, что тьма перестала быть только собой.

Женщина за массивным письменным столом сидела лицом к вошедшим, спиной к окну, и от дверей большого кабинета на фоне светлого окна Дункан увидел издали только овал лица и темные волосы, опускавшиеся к плечам.

Она не поднялась, прозвучал мелодичный голос, ответивший им на приветствие и предложивший сесть.

Рука указала на кресла перед ее столом.

Там в разных местах лежали бумаги, а миссис Ванлейн, продолжая запись в блокноте, попросила их чуть подождать.

Впрочем, инспектор едва успел расположить перед собой на краю стола диктофон, как женщина захлопнула блокнот и сообщила:

– К вашим услугам, господа.

Инспектор указал на диктофон:

– Не возражаете, мэм, против такой процедуры? Пойдет в дело в качестве аудиопrotocola, а перепечатку мы потом приготовим, и вы подпишите.

Волосы вслед качнувшейся голове совсем закрыли виски и щеки. Очень красивые волосы – темные, с блеском, но словно главная их задача – охранять от чего-то случайного, неожиданного.

Инспектор вежливо ждал, когда шеф начнет.

– Мы постараемся вас не задерживать, миссис Ванлейн.

Ему любезно ответили, что можно не торопиться.

– Итак, нам необходимо с максимальной точностью зафиксировать обстоятельства вчерашнего несчастного случая. Начнем, если позволите, за полчаса до события.

Она чуть задумалась, глядя поверх их голов.

Да, красивое лицо, но правильное – интересное.

И не то чтобы очень молодое, кстати.

– Что же, за полчаса...

Хозяйка кабинета повертела в руках карандаш.

Затем стала медленно говорить, прослеживая в памяти детали:

– Точного времени я не знаю, поэтому начну с шести часов, когда дети были посажены ужинать. Это всегда требует некоторых усилий – перед ужином у них время активной игры, а процессы торможения в таком возрасте еще не вполне срабатывают.

Инспектор широко улыбнулся:

– Знакомо, мэм, когда двое моих подрастали... – он тут же осекся. – Извините, что перебил.

Миссис Ванлейн извинила быстрой улыбкой.

– И обычно, когда дети едят, я им рассказываю что-то из американской истории. У меня на этот счет есть тематический план, поэтому я укладываюсь в определенное время. Могу сказать: лекция за ужином занимает от восемнадцати до двадцати минут.

Она встретилась глазами с капитаном, тот кивнул, предлагая двигаться дальше.

– Вчера мы ждали к себе попозже кое-кого из гостей. А начало вечера муж почти всегда проводит «на площадке» – так мы зовем нашу крышу, читает или работает с деловыми бумагами.

Капитану захотелось спросить:

– Дети тоже бывают там наверху?

– Только вместе со взрослыми. Дверь с номерным кодом закрывается каждым последним из нас, кто оттуда уходит.

Миссис Ванлейн, разумеется, поняла, к чему в первую очередь задан вопрос:

– Нет, капитан, никто из детей после ужина на площадку не поднимался.

– И не видел снизу падения?

– К счастью, нет.

Дункан опять кивком попросил продолжать.

– Марта – служанка, занималась приготовлениями для гостей, дети после ужина ушли во что-то играть, мне следовало подобрать посуду и разные мелочи. Я находилась в хозяйственной комнате, она смежная с кухней.

Здесь хозяйка дома на секунду задумалась.

– Помню, Марта вдруг прервала разговор, она первая услышала голос посыльного, который привез заказанный торт, он и обнаружил тело. Мы обе сначала подумали, не случилось ли что-то с кем-нибудь из детей, и поспешили туда.

Внезапно ее взгляд лишился всякого выражения, однако лицо было сосредоточенным.

Капитан понял – она находится уже не здесь в кабинете, а там у выхода, и переживает страшный миг, когда видит труп мужа, но еще не понимает, что это труп.

– Спасибо, миссис Ванлейн, – повысив голос, проговорил он.

Взгляд вернулся и обратился на Дункана... немножечко удивленный.

– Следующий вопрос, если позволите.

Ей все-таки понадобились еще секунды, прежде чем близкое прошлое отступило.

– Мистер Ванлейн не жаловался на сердце?

Дункан каким-то одиннадцатым чувством поймал, что вопрос не понравился.

И пауза подтвердила это.

Женщина хотела снова взять карандаш, но на ходу раздумала и резко сдвинула его в сторону.

– Муж относился к разряду людей, которые вообще не жалуются... во всяком случае, очень это не любят.

Не волнение, а скорее нервная досада ощутилась в паузах и мимике, которая не могла остановиться на одном выражении.

– Я не раз говорила, что надо снять электрокардиограмму. Если сердце в мои тридцать шесть дает знать о себе, в его возрасте нужно следить за организмом тем более. – Она откинулась на спинку кресла и произнесла уже совсем раздраженно: – Но его злили мои слова, и злила сама мысль, что с ним может быть что-то не так.

– Значит, симптомы имелись?

– Он считал это неврозом сердечной мышцы. И как все медики, терпеть не мог лечиться.

– У вашего мужа было врачебное образование?

– Да, но он рано оставил практику и начал заниматься фармацевтическим бизнесом, доставшимся ему от отца.

К досаде в ее лице добавилось что-то горькое.

Рука инспектора двинулась выключить диктофон, взгляд за разрешением обратился к шефу, и тот кивнул.

Провожаемые любезной служанкой, они вышли наружу и приостановились, увидев здорового ротвейлера всего в нескольких ярдах. Пес стоял не то чтобы наготове, однако же и не расслабляясь.

– Он не тронет, джентльмены, – поспешила успокоить их Марта, – он просто «бдит». Мистер Ванлейн так всегда говорил.

От глагола «в прошедшем времени» чувство в ее лице опять поменялось всего одним лишь каким-то штрихом.

Дункан вспомнил, как его дочь в детстве любила рисовать лица-маски, где всего тремя-четырьмя линиями выражались грусть, радость, уныние, злоба. Лезла к нему с этой ерундой и залиvisto хохотала – маленькой душе весело, оттого что мир так легко изменить одним пустяком.

– Мэм, расскажите в нескольких словах, что происходило после детского ужина, в те примерно двадцать минут, как прибывший посыльный обнаружил тело.

Женщина даже расстроилась, что не в силах помочь, и развела руками:

– Почти ничего не происходило, сэр.

– Вы сами что делали?

– Как всегда, убрала со стола посуду, вымыла ее. Потом вымыла блюдо для сэндвичей – с чего-то он очень засалилось, и стала готовить сами сэндвичи.

– А миссис Ванлейн?

– Она была в соседней хозяйственной комнате.

– Откуда вы знаете?

Служанка даже слегка удивилась:

– Сэр, там открытая дверь, – рука показала куда-то в сторону, – вот она, а вот я.

Инспектор, озабоченно всматриваясь в не грозящие дождем облака, проговорил тоном человека, которому наплевать на ответ:

– Миссис Ванлейн, только один раз выходила к детям?

Марта задержалась, проверяя, на всякий случай, память.

– Нет, сэр, Ромми не выходила к детям.

Только сейчас Дункан узнал имя хозяйки.

К тому же ответ указывал и на их короткие отношения.

Инспектор поинтересовался еще, в котором часу вчера служанка видела мистера Ванлейна в последний раз, и неожиданно поступили важные данные:

– Я отводила запереть в кабинет пса, а мистер Ванлейн поднимался по лестнице – это было в самом конце ужина, Ромми попросила меня запереть негодяя за плохое поведение. – Она обратилась к ротвейлеру. – Стыдись, попрошайка.

Пес, вне сомнений, понял, что его в чем-то винят, но служанка не являлась авторитетом, чужаки – тем более, поэтому он просто отвернул морду в сторону.

Инспектор уточнил время – оказалось, когда Марта, заперев собаку, вернулась, дети вставали из-за стола.

Выходило, что падение не могло произойти раньше двадцати минут седьмого и позже, чем без четверти семь, когда приехал посыльный, то есть в пределах двадцати с небольшим минут.

– Вы говорили с мистером Ванлейном о чем-нибудь? – спросил уже капитан.

– Нет, сэр, он не успел нас заметить. – Служанка вдруг прикинула что-то в уме. – Вообще-то, обычно он поднимался на площадку пораньше, в начале детского ужина.

Пес счел нужным культурно их сопроводить до машины и со значительным видом вышагивал несколькими ярдами сзади. А когда они остановились у автомобиля, тоже остановился и сел.

Превосходный, отменно ухоженный экземпляр, судя по всему, знал себе цену.

Его направленный на Дункана взгляд был изучающим и недружелюбным.

Капитан показал инспектору на собаку:

– Посмотри, глаза почти человеческие.

– Ага, и наглуую ряху отъел.

Пес перевел взгляд на инспектора, и выражение стало еще менее ласковым.

– Тьфу на тебя! – сообщил ему тот.

III.

Следующее утро порадовало ясной погодой.

В плохую трудней контролировать слежку.

На встречу с Людвигом Дункан всегда выезжал в гражданском. Из двора полицейского управления его вывозили на одну из городских точек, где легко было пересест в малоприметный автомобиль, за стеклами которого ничего толком не видно. И прежде чем двигаться к месту встречу, он будет минут пятнадцать каверзно петлять по улицам, так что любой, даже комбинированный хвост неизбежно засветится.

Меры защиты агентов – дело профессионального долга и человеческой совести шефа полиции, и люди обязательно чувствуют, когда для них делают все возможное.

Контроль указывал на полную безопасность, и капитан уже ехал вдоль сквера, в конце которого, примерно за тридцать ярдов, он притормозит, чтобы двигаться медленно, две-три секунды всего...

Две-три секунды, и хлопнула левая задняя дверка.

– Здравствуйте, сэр.

Автомобиль резко прибавил.

– Здравствуйте, лейтенант.

Дункан, взглянув в зеркальце, увидел смуглое лицо и белозубую улыбку.

Ему нравился этот парень и профессионально, и по-человечески – вырос в Центральной Америке, в бедноватой среде, откуда как раз часто и идут в подручные к криминальным боссам, а этот пошел в полицию на самый опасный рубеж борьбы.

– Сэр, я вызвал вас по странному вопросу, не проверенному еще мной вполне.

– Лейтенант, в нашей ситуации вы определяете, что важно, а что нет. Пожалуйста, никогда не церемоньтесь.

Почему-то боль коснулась сердца, просто от мысли, что в их работе неизбежны потери хороших людей.

– И соблюдайте максимальную осторожность, нам не нужны успехи ценой вашей жизни.

Сзади раздался смех с благодарными нотками.

– Вы заботливый, сэр. Домашние вами довольны, да?

– Устаете среди подонков?

Дункан не ответил на вопрос о близких, родителей уже нет.

– Как сказать, сэр...

Про супружеские годы нечего вспомнить, дочь уже взрослая.

– Я, сэр, вырос в поселке на побережье, сколько помню себя – песок и море, – сейчас, взглянув в зеркальце, капитан увидел задумчивое с оттенком грусти лицо. – Это философия, сэр, песок и море. Море – невероятное целое, и всегда ведущее в другое – тоже в огромное. И песок. Из частиц. Их даже нельзя по отдельности рассмотреть. Страхиваешь с ладоней и топчешь ногами. Когда человек постигает огромное, ему страшно остаться песчинкой, сэр.

Дункан вдруг снова почувствовал холодное касание к сердцу.

– Вы вполне контролируете ситуацию?

– Думаю, да. Но вот о ней самой, сэр... разболтался на посторонние темы, простите.

– Не за что, лейтенант. Мне приятно с вами общаться.

– Спасибо.

Агент замолчал.

Затем произнес в виде маленького предисловия:

– Вот такая история, сэр, странная, но уж какая есть.

– И ради бога.

– Ну да. Значит, из окружения босса просочилась информация о появлении некоего типа, который заправлял тут лет восемь-девять назад. «Джино», вы такое имя не слышали?

– Нет, я вообще не интересовался криминальной историей города.

– Наверное, теперь вам придется, сэр. Джино. А среди родственников его никто иной...

Капитан даже вздрогнул, потому что прозвучало имя одного из лидеров колумбийских наркодельцов, и именно с тех плантаций к ним сюда шел товар. Последняя экспертиза закупок, переданных вчера Лизой, еще раз подтвердили идентичность сырья.

– Так вот, Джино обеспечивает поставки, которые позволяют сильно сбрасывать цены.

– Он что, отмотал срок, этот Джино? Откуда он взялся?

– Тут и странность, сэр. Он как бы исчез, а вот теперь появился.

– Как давно появился?

– Что-то с полгода. И даже болтают всякое... чуть ли он не воскрес с того света.

– Хотят что-нибудь прикрыть этой легендой?

– Весьма вероятно. Однако главное – у них, действительно, сейчас очень много товара.

«Много товара» означало, что колумбийский поток, проходивший транзитом через Майами, вырос – крайне неприятная информация, надо связаться, пусть ищут у себя «большую дыру».

Похороны Ванлейна назначили сегодня на час дня, и по тем же причинам служебного такта, невежливо было на них не присутствовать.

В управление капитан вернулся, когда стрелки не дошли до двенадцати – оставалось еще время на ланч.

Заведение для этого, всего в пятидесяти шагах, хотя и имело свое название, но в городском обиходе значилось исключительно «Полицейским кафе», поскольку там колготилось все управление. И вечером отдыхал полицейский люд: кто-то просто забежал после смены, а некоторые, наоборот, усаживались надолго, иногда с женами или друзьями, нередко тут отмечались и семейные торжества.

К концу ланча капитан обогнал в еде инспектора, получив, тем самым, время выкурить сигарету, зажигалку он, как водится, оставил дома – это входило в «программу сдерживания», пришлось прикуривать от зажигалки официанта.

Инспектор, подбиравший подливу кусочком хлеба, иронично поднял глаза:

– Все мучите себя, сэр?

– Не твое дело. Скажи-ка, Джино тут у вас был лет восемь или девять назад – ты что про него знаешь?

– М-м... был такой, – инспектор сделал паузу и дожевал, – редкая сволочь, наркотики все от него шли. Сдох, скотина, кремирован полицией за счет государства.

– Как это, кремирован?

– Натурально, патрон. Почему вас заинтересовало?

Утечку информации нельзя допускать даже в разговоре с самыми верными своими людей, капитан пожал плечами:

– Да так, я почему-то думал, он сел.

Инспектор мотнул головой:

– Нет, околел в госпитале у своего родственника. Там какая-то малопонятная история – ребята из наркоотдела уже выехали на его арест, а привезли труп. Я не знаю деталей, патрон, сам тогда был в отпуске.

Скоро пошла прямая дорога.

На кладбище.

- Вот на кладбище – прямая, а куда-то еще – повернешь десять раз.
– Слушай, надо какие-нибудь цветы купить.
– Хоть пальму в кадке, там у въезда есть магазин.

В магазине, у главных ворот, действительно оказалась масса цветов. Инспектор, вошедший вслед за начальником, обвел цветочную выставку взглядом и укоризненно произнес двум работавшим барышням:

- Я вижу, вы готовы похоронить весь город.

Ответом стал веселенький смех.

Капитан купил две розы – красно-темные, очень большие, и на длинных твердых стеблях.

Полиции нигде не требуется показывать пропуск, при, куда хочешь, инспектор так и сделал – обогнул прочие машины и подкатил совсем близко к траурному собранию.

Когда они подошли, оказавшись в боковом зрении публики, многие их заметили, но среди повернутых голов, непонятно как, Дункан увидел только ее лицо.

Инспектор что-то произнес и грустно вздохнул.

- Извини?

– На таких мероприятиях священник отводит на речь не меньше пятнадцати минут.

– Мы просто отметимся и уедем.

Он вовсе не планировал сводить присутствие к такому минимуму, решение возникло внезапно от появившегося вдруг внутреннего дискомфорта.

Капитан деликатно преодолел неплотные ряды, бегло отметив «своих» – мэр, судья, прокурор – поздоровался кивком на ходу еще с кем-то, священник уже начал речь... а в пространстве между двумя белыми венками почти по центру образовалась узкая пустота, пригодная для двух роз на их твердых длинных стеблях.

Красно-темные встали, вписавшись между светлыми композициями, словно необходимая, задуманная прежде деталь.

Отшагнув назад, капитан заметил, что несмотря на траурные минуты, в некоторых лицах отразилось удовлетворение эстетическим результатом.

Скоро, мелким втираньем обратно в ряды, он оказался за последними спинами, где его ожидал инспектор.

- Весь цвет города, сэ. Постоим или будем двигаться?

– Давай двигаться.

Однако им помешал чей-то шепот:

- Сэ-эр...

Дункан повернул голову и увидел недалеко в заднем ряду Марту. Он подумал, речь идет о размене приветственными кивками, но та двинулась осторожными, маленькими шажочками.

Дункан тоже сделал два шага навстречу.

– Сэр, у нас сегодня в семь часов собираются, – произнесла женщина почти на ухо, – мадам просила вас быть.

Сначала мелькнула мысль – отказаться, но тут же – что неприлично, и третья – можно просто не приехать, не ставя себя в условия объяснений.

Дункан изобразил сжатыми веками знак, который легко было понимать и как «принято к сведению».

Автомобиль, чтобы не помешать, двинулся очень медленным ходом.

На центральной аллее, затемненной сходящимися кронами старых больших деревьев, инспектор прибавил, и скоро впереди в пространстве открытых ворот свет улыбочиво пригласил

их к себе – вдруг показалось, он рожден не контрастом, и даже не сегодняшним ясным днем, а чем-то извне: «Пожалуйста, господа, вам сегодня открыто... вам сегодня, пожалуйста...»

Через пару минут они влились городской поток – подвижный, торопливый – суета втянула в границы привычного мира.

Скользнувшие по другой стороне улицы разноцветные велосипедисты напомнили Дункану о слишком затянувшейся паузе в занятиях спортом, которому он был верен всю жизнь. Развод, новое назначение выбили из колеи, у него уже появились лишние килограммы. Правда, можно похвалить себя тем, что к середине дня сегодня выкурены только две сигареты. Хотя ситуация походит на тупиковую – он почти год бросает курить методом сведения к минимуму, опускался даже до трех сигарет в сутки, но очередные пустяки нервировали и поднимали дозу.

А почему не съездить на эти поминки?

Там на кладбище он сначала увидел ее темные чуть не доходящие до плеч волосы, закрывающие виски и щеки... с формальной вежливостью, впрочем, уже все в порядке, можно и не поехать... увидел эти волосы, и она тут же повернула голову.

– Сэр...

Опять слова инспектора пролетели мимо.

– Я про Маргу. Вы в ней уверены?

– Мы не можем быть уверены ни в одном свидетеле, хотя непохожа она на хитрого человека. Но в принципе, ты прав, пусть поднимут по ней все данные.

Капитану вдруг сделалось весело.

– Слушай, а почему тебе вчера не понравился тот ротвейлер?

– С чего вы взяли?

– Ладно, сознавайся.

Инспектор, подумав, поморщился:

– Не люблю, когда звери живут лучше людей. У него, небось там, и педикюр на когтях. Глядел, подлец, на нас, как на второй сорт.

– Да, глядел выразительно.

Все-таки Дункан решил не поехать, дома, переодевшись, он сразу отправился на кухню заняться ужином.

Вспомнилась позавчерашняя муха, за которой он носился как угорелый. Нет, определенно ее маневры свидетельствовали о прекрасном понимании конкретной опасности. В кухне полно всяких предметов, но муха выделила и поставила под контроль подвижный силуэт, обозначив его врагом. Причем не сразу – сначала она села на панель почти рядом, на столе лежала газета, Дункан свернул ее битой и, не прицеливаясь, ударил. Вот после этого промаха муха квалифицировала удар как покушение на себя, а Дункана – источником угрозы, дальше пошел контроль и перелеты, максимально затруднявшие к себе приближение. По сути своей это был сложный поведенческий акт, включавший внимание, анализ, синтез и память. И если бы не посредственное зрение мухи, она бы летала тут до сих пор. Дункан со школы помнил, у насекомых всем управляет маленький нервный узел. Это даже не фрагмент мозга, а какая-то совершенно примитивная структура, к тому же очень маленькая количественно.

И контрапунктом зазвучала другая тема – человек с его возможностями.

Очень вероятно, что современное человечество даже о них не догадывается, как в предыдущие времена не догадывалось о способностях производить фантастическими темпами новые знания, воплощать их в невероятных технических достижениях. Сколько прошло с появления первых беспомощных самолетиков до высадки человека на Луну? Всего... да, меньше семидесяти лет. А говорят, человек использует свой мозг всего на десять процентов и гении отличаются лишь тем, что у них подключены еще два или три...

В этих размышлениях Дункан как-то быстро и незаметно для себя поужинал.

О собирался уже закурить заслуженную, потому что четвертую всего за день, сигарету, но пришлось взять телефонную трубку.

Низкий незнакомый голос поздоровался, выразил надежду, что не очень побеспокоил, и, не дожидаясь подтверждения этому, назвал.

– Ах, это вы, мистер Коннерс! – Дункан обрадовался, что звонок не по службе. – К вашим услугам.

Голос, кашлянув, спросил, не собирается ли капитан на поминки?..

Кажется, отрицательный ответ вызвал на другом конце затруднение, там снова кашляли и замолчали. Дункан удивился возникшей неловкости, и тут же вспомнил про письмо.

– На ваше имя пришло послание, сэр, его передали?

Оказалось, передали всего пятнадцать минут назад, а сам Коннерс приехал в город в середине дня, на похороны не попал, вот, хочет отправиться на поминки – он хорошо знал покойного.

Опять небольшая пауза, и голос вдруг предложил встретиться там, у миссис Ванлейн, добавив коротко: «есть кое-какой разговор».

Дункану не понравилось такое выдергивание, он уже открыл рот, собираясь холодно отказать, но прозвучало откровенно просительное: «Буду весьма признателен, капитан».

Злой импульс в мгновение испарился, к тому же, вряд ли бывший начальник полиции настаивает на встрече из пустяковых капризов.

Облачаясь через несколько минут в строгий темный костюм, Дункан даже устыдился внутреннему проявлению грубости – хорошо, что он не успел чего-нибудь ляпнуть.

Глупо бы вышло. И непристойно.

Коннерс знал покойного, предлагает какую-то информацию – благодарить надо в подобных случаях.

Припарковаться удалось лишь ярдов за пятьдесят до ворот.

Капитан еще днем предусмотрел такое скопление и назначил для регулировки временный полицейский пост – даже культурные люди ведут себя лучше, если присутствует власть.

По времени съезд гостей на траурную процедуру начался час назад, но из-за множества приглашенных само собою подразумевался свободный график. Вместе с его машиной пристанища искала еще какая-то, ее полицейский-регулирущик попросил подождать, чтоб обслужить в первую очередь шефа.

Проходя на территорию, капитан поздоровался с охранником, который засвидетельствовал улыбкой, что знает его в лицо, и сразу увидел большое скопление публики по ту сторону клумбы, на пространстве между ней и особняком. Там же виднелись тележки с напитками и стулья для желающих посидеть.

Мужчины были в строгих темных костюмах, женщины – тоже в темном и дорогом. Как показалось Дункану, не без некоторой демонстрации этого дорогого. Тихий осенний вечер освещал собравшихся пока еще собственным светом, однако для более позднего времени были расставлены автономные светильники-фонари.

Кто-то сбоку, желая остановить, дотронулся до его локтя, он повернул голову и увидел мэра.

Тот радостно закивал:

– Спасибо, капитан, за полицейский пост, это весьма помогло. Вы уже подходили к Ромми?

Дункан мотнул головой и услышал, что хозяйка принимает прибывших в зале.

Следовало без многословия выразить соболезнование, а затем поискать Коннерса, который что-то не попался пока на глаза.

Внутри особняка горело электричество, но свет был неярким, мебели в зале стало меньше, а черные драпировки подчеркивали пустоту.

Дункан увидел нескольких человек в креслах, поставленных полукругом у дальней стены. В одном из них сидела миссис Ванлейн, в соседнем слева расположилась немолодая дама, что-то с выраженьем произносившая и помогавшая себе жестами, а рядом с ней джентльмен, который, показалось, просто высиживает.

Дама вела речь громко, Дункан еще в процессе движения уловил религиозный контекст беседы.

Миссис Ванлейн заметила его издали, а затем, не поднимаясь из кресла, протянула навстречу руку. Ему не пришлось чего-то произносить, так как дама, совершенно проигнорировала прибывшего, не желая, видимо, прерывать выступления, а хозяйка, чуть обозначив улыбку, показала ему на свободное кресло.

Капитан сел.

И не осталось ничего другого, как слушать.

Дама доказывала преимущество божьей воли над всем остальным, полагая, видимо, это своим личным открытием. Ей, в том числе, очень хотелось доказать Божий Промысел и в случившейся здесь трагедии, но прямо заявить, что высшие силы сбросили мистера Ванлейна с крыши, не позволял даже ее скромный ум, а посему примитивная аргументация прогрессировала не в качестве, а в количестве.

Однако и здесь скоро не хватило ресурса, из-за чего выступавшая пошла по новому кругу.

Пожилый господин, находясь в супружеском повиновении, привычно терпел, но Дункан через три-четыре минуты ощутил реальную угрозу своему психическому здоровью, к тому же, хозяйка слушала этот бред с откровенным уже над собою насилием.

Принципиальный вопрос – зачем забирать на тот свет благополучного, далекого от старости человека – дама решала с помощью известного тезиса: «Пути Господни неисповедимы!».

Понимать надлежало так, что «нечего в божественные планы свой нос совать».

– Извините, мадам, этим лишь сказано, что Господь Бог не может объяснить нам всего, как детям в школе: «исповедать» означает, поведать все до конца. Еще правильнее – мы не способны бы были понять.

Неожиданно врезался безучастный пожилой джентльмен:

– А высшие понимания не даются даром, для них требуется усердие всей нашей жизни!

Кажется, более всего удивилась его супруга, но главное – оборвалась единственная в ее мозгу мысль. Все вместе так вывело несчастную из равновесия, что, пробормотав хозяйке пожеланье «крепиться», она быстро направилась прочь с торопящимся следом мужем.

Миссис Ванлейн опустила голову, чтоб скрыть улыбку.

– Вы очень помогли, капитан. Спасибо.

– Не за что. А вообще, советую никогда не церемониться с дураками и ненормальными.

Эта публика вполне сознательно оттягивается на нас.

Она, теперь не скрывая, весело хмыкнула, с детским совсем выражением.

Но выражение сменилось, взгляд ушел в никуда...

– Знаете, капитан, не могу понять, зачем муж подошел к краю, к этой бордюрной решетке. Ее слова слегка удивили, так как сам собою напрашивался вопрос: почему бы и нет?

Однако Дункан выдвинул простое предположение:

– Оттуда прекрасно видна цветочная клумба.

Она качнула головой:

– Муж был абсолютно равнодушен к цветам.

Возникла пауза.

Дункан, подождав, заговорил уже сам:

– Марта сказала, что никто из детей ничего не видел. Вы с ними на эту тему не беседовали?

– Да. После ужина они затеяли игру в прятки, но никто не выходил наружу и никто не поднимался вверх на площадку.

Мелькнула мысль о трагедии детей так внезапно потерявших отца, Дункан ничего не сказал вслух, но будто бы был услышан.

– В этом возрасте, капитан, дети странно меняются. Еще полтора-два года назад им постоянно требовалась помощь, они ждали разрешений и указаний, а сейчас это какие-то подвижные маленькие зверьки. И злятся, если мешают их самостоятельности. Порою кажется, старшие им нужны, только чтоб вовремя покормили. У вас есть дети?

– Взрослая дочь, недавно закончила университет.

Однако в памяти о ее детском возрасте у Дункана была почти пустота. Он тогда боролся за карьерное продвижение, часто бывало – домой приходил, чтобы просто поспать.

Миссис Ванлейн извлекла откуда-то сигарету.

– Вы курите, капитан?

– Да, но собираюсь бросить, и по этой причине стараюсь не носить зажигалку.

Она чуть иронично шевельнула бровями и указала сигаретой на новых явившихся визитеров:

– У них точно есть.

Капитан встал, ему на прощанье опять протянули руку.

Наружу включили электрический свет и обстановка выглядела оживленной.

Захотелось пить.

Капитан, поглядев в пространства между людей, заметил тележку с соками, рядом можно было одолжиться огнем у курившего джентльмена.

На какое-то время Дункан забыл про свои планы и просто отдыхал, поглядывая на публику – там чопорная грусть уже сменялась отвлеченными от события разговорами.

Людей стало еще больше, и где-то среди них находился среднего роста крепыш, с лобастой лысеющей головой на короткой шее и крупными карими глазами...

Вот, они смотрят как раз на него.

– Добрый вечер, мистер Коннерс! Я только от миссис Ванлейн.

Эксполицейский протянул ему смуглую сильную руку, в другой он держал стакан с доброй порцией виски.

Смуглый, как все потомственные южане, Коннерс относился к разряду добродушных здоровяков. В детстве у таких силачей не бывает врагов, а позже – в молодые и зрелые годы – мощная энергетика позволяет добиваться успехов без особых нервных затрат, так что эта порода людей почти не ведает злобы, и можно только догадываться, какой там устойчивый внутренний мир.

Вот пожалуйста, в сохранившихся лишь по бокам волосах не видно ни одного седого.

Его коллега, глядя в упор, произнес:

– Здесь виски ве-ли-колепного качества.

Проникновенная интонация зародила внезапное подозрение, что встреча назначена именно ради этого, и словно в подтверждение, Коннерс, препоручив Дункану свой стакан, испарился с легкостью феи.

Капитан подумал о предложении, под которым легче отсюда убраться, но выдумать ничего не успел – любезно улыбаясь, ему уже протягивали принесенную порцию.

Еще через минуту они заняли позицию с краю от общей массы.

Дункан не часто употреблял крепкие напитки и не очень в них разбирался, но тут понял, что качество, действительно, превосходное – виски, скрывая крепость, сразу вызвало приятное

согревающее ощущение. Коннерс отметил положительную реакцию и тоном назидательного педагога произнес:

– Вот!

Сам тоже отпил.

– Я хорошо знал покойного. Знал еще до его женитьбы на Ромми. Выезжали с Ванлейном на рыбалку одной компанией. Но понемногу компания развалилась, отправляюсь уже который год один.

Воздух под темным небом был еще теплым и растворял в себе запах цветов с клумбы, легкий совсем – он то доносился от слабого ветерка, то исчезал.

– А что у погибшего было с сердцем?

Коннерс оттопырил нижнюю губу и мелко помотал головой:

– Никогда не жаловался, выносливый был мужик. – Он поднес стакан, и содержимое уменьшилось вдвое. – Сердце... мой батя дожил до восьмидесяти пяти, хотя в шестьдесят у него обнаружили сердечную недостаточность. Представляете? А жена умерла год назад после второго подряд инфаркта. В пятьдесят пять.

Брови поднялись вверх, но взгляд ушел в землю. И еще был заметен оттенок досады, оттого что нет ответов на эти странности жизни...

Капитан сменил тему:

– А дети?

Лицо вернуло подвижность.

– Двое! Один – офицер морского флота, другой – инженер-нефтяник. Живут своими семьями. Я вам, дорогой, фотографии внуков покажу – оба в меня!

Улыбка обнажила полрта совершенно здоровых зубов, и Дункан, которому предстояло ставить очередную коронку, почувствовал зависть.

Экспешф полиции, меж тем, сделался очень серьезным.

– Я вас, конечно, не для разговоров о пустяках здесь видеть хотел. – Он чуть затруднился, опустил голову, но тут же поднял ее. – Вы мне не расскажите результаты расследования? – В его взгляде прочиталась неловкость. – Я формально теперь никто...

– Оставьте, пожалуйста, я вам все расскажу.

– Спасибо, дорогой!

Глаза радостно загорелись, а капитан вспомнил, если в полицейском управлении заговаривали о старом начальнике, то обязательно с уважением и улыбкой.

Он начал тщательно излагать информацию, что была в деле, замечая по ходу небольшого рассказа, что его слушают с очень большим вниманием.

В деле еще оставалась маленькая недоработка, и старый полицейский ее сразу нащупал:

– А что собой представляет гувернантка, которой тогда не было в доме?

– Да, мы ее вызвали на завтра, чтоб побеседовать. Об отношениях между супругами, вы имели в виду?

– Об этом тоже... Нет, что за личность? – Коннерс осмотрел у пустого стакана дно. – Если рассуждать чисто гипотетически, гувернантка, сказав, что уходит, могла спрятаться где-нибудь, потом подняться наверх на площадку... – Он опять осмотрел дно стакана. – Она же своя в доме – при неудачных обстоятельствах может сказать, что вернулась за чем-нибудь. А если все пройдет гладко, снова спрятаться. Хоть до завтрашнего утра.

– Если гувернантка не выходила или выходила, но вернулась, это покажут записи камер слежения. Разумеется, сама преступница должна была бы такое учесть, но вы правы, проверка необходима.

Капитан тоже допил свой стакан, и это очень понравилось собеседнику.

– Друг мой, я прошмыгну к тележке? – он озабоченно пояснил: – Люди скоро начнут расходиться, слуги заспешат поскорее убрать...

Дункан совсем недавно курил, однако виски располагало к этому удовольствию, к тому же, всего в нескольких ярдах можно было позаимствовать огонька.

К месту своего положения они вернулись одновременно.

– Так-с, теперь мое время для информации, – начал Коннерс, жестом отказываясь от сигареты.

– Внимательно слушаю, сэр.

Было естественно обращаться к нему, как к старшему, при двенадцатилетней разнице в возрасте и том, что Дункан совсем лишь недавно получил высокую должность и звание капитана, а Коннерс в течение долгого времени пребывал в этом качестве.

– Сначала дополню ваш рассказ некоторыми моими данными.

Капитан подумал, что речь пойдет о персональных характеристиках, и не ошибся.

– Ромми с отличием закончила университет по фармахимии и приехала сюда работать на только что открывшееся предприятие. Талантливая, красивая. Были, конечно, ухажеры, но через два года она вышла замуж за Ванлейна, который, кстати сказать, ни разу до этого не был женат.

Опять вспомнилась внешность Ванлейна, но только – сейчас образ показался более жестким.

– Ну вот, года через полтора у них родились близняшки, и вроде жизнь шла неплохо. А может, оно так и было, – Коннерс двинул плечами и сделал паузу... – но только до последнего времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.